

химического символотворчества, который вел эту главу — покуда я, забыв уже об этом материале, не начал вместе с Лосевым теоретизировать по поводу символа — худо-бедно, но давал нам какое-то представление о символе: это знак вещи, а стало быть, и сама вещь; вещь и ее знак; знак и его вещь¹⁰. Логический разбор символа, продемонстрированный только что, был действительно сго разбором на винтики и на гайки. И символа уже нет, ибо символ — прежде всего жесткая определенность, фиксирующая и вещь, и ее отражение. А отражение вещи и есть символ этой вещи¹¹.

Итак, символ вещи — это в некотором роде ее синоним: то же, да не то же. Раскрыть срединное да не в алхимическом символе, включенном в контекст средневековой культуры, и есть задача.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ о символизме средневекового мышления — общее место в историографии культуры европейских средних веков. Штамп, не задевающий сознания. Устойчивый стереотип, объясняющий прошлое наложением на это прошлое мерок нового времени.

Кондильяк (XVIII в.) в «Трактате о системах, в которых вскрываются их недостатки и достоинства», в главе V («Третий пример. О происхождении и развитии искусства гадания»), исходит из предпосылки о символическом типе средневекового мышления (1938, с. 38 и сл.). Символизм положен в основание тайных наук. *Толкование снов — это рассекречивание сновидческих слов, символов жизненных перипетий. Знаки Зодиака и планеты — символы человеческих судеб. Промежуточные ряды меж предельно небесным и предельно земным: дни, ночи, часы, страны, травы, деревья, минералы...* Стремление неукоснительного порядка срывается в беспорядок, путаницу, когда одна и та же планета может знаменовать и счастье, и несчастье сразу. Плюрализм возможностей, на протяжении веков спасающий астрологию (и хиромантию — ее заземленный вариант), заклинание небес или отдельных небожителей — основание средневековой магии.

Объяснение у *Кондильяка* биофизиологическое, и потому символизм средневековья, как он понят XVIII столетием, рушится под напором точного естествознания. «Если бы можно было проследить за всеми людьми, которые сочинили книги для обоснования этих нелепых учений, то можно было бы заметить, что все они исходят из одного и того же пункта и удаляются от него каждый в зависимости от капризов своего воображения.

¹⁰ Помните, как у Томаса Манна: «Узнать одного в другом вовсе не значит сделать из двоих одного и облегчить свою грудь криком «Это он!» (Мани, 1968, 2, с. 759). Но, может быть, как раз значит. Только тогда мы имеем дело именно с символом как эстетической определенностью.

¹¹ «Граница между земным и небесным зыбка, и стоит только остановить взгляд на каком-либо явлении, как оно уже начинает двоиться» (там же, 2, с. 78). Но символ как знак вещи и сама вещь не дwoятся, а раздваиваются, взаимно отражаясь; хотя и дwoятся тоже, и делают все то, что им советует делать Лосев и я вслед за ним. Но... все это происходит уже не с символом и вещью, а с деталями, на которые разобран символ.